

Сдерживание страхом: ядерная риторика России и война в Украине

Меги Беня

Центр исследований безопасности, политики и национализма, Грузинский университет, Тбилиси, <https://ugspn.org/en/>

Аннотация: В статье рассмотрена ядерная риторика России во время войны против Украины как инструмент целенаправленного влияния, основанный на доктрине «устрашения» (сдерживания путём запугивания). Выходя за рамки классической теории сдерживания, утверждается, что Россия использует ядерные сигналы не только для предотвращения эскалации, но и для психологического принуждения противников, влияния на общественное мнение и подрыва процесса принятия решений на Западе. Отслежена эволюция российской ядерной риторики с 2022 по 2024 год, показано, как она адаптировалась к ходу боевых действий и к более широким геополитическим целям. Используя двусмысленность, психологические манипуляции и информационную войну, российская стратегия размывает грань между сдерживанием и принуждением. В статье оцениваются стратегические последствия такого подхода, включая риск просчётов, эрозию ядерных норм и проблемы для сдерживания НАТО. В заключении приведены политические рекомендации, направленные на укрепление психологической стойкости, стратегической коммуникации и единства альянса для противодействия когнитивным последствиям ядерного запугивания в условиях современных конфликтов.

Ключевые слова: Россия, ядерное оружие, ядерная риторика, сдерживание, НАТО, Европа.

Вступление

Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года стало поворотным моментом в международных делах не только из-за возвраще-

ния крупных неядерных войн в Европу, но и из-за исключительно длительной ядерной риторики. С первых часов вторжения руководство России использовало ядерную риторику для влияния на стратегическую ситуацию, удержания Запада от вмешательства и психологического воздействия на западные общества. Эти угрозы, высказанные языком сдерживания, носили не только защитный характер – они стали элементом более широкой кампании влияния, направленной на ослабление решимости стран Запада и их способности принимать решения.

В статье утверждается, что использование Россией ядерной риторики в отношении Украины сложно до конца понять в рамках классической теории сдерживания – она исходит из уникальной российской стратегической доктрины «сдерживания путём устрашения», нацеленной на принуждение противников при помощи неопределённости, психологического давления и контролируемой эскалации. Эта доктрина сочетает военные сигналы, информационную войну и стратегическую неопределённость как для сдерживания, так и для оказания влияния.

Анализ сведён к пяти разделам: 1) исследование теории и доктрины ядерной стратегии России; 2) изучение «сдерживания путём устрашения» как отдельной рабочей философии; 3) хронологическое исследование ядерной риторики в ходе войны в Украине; 4) оценка ядерной риторики как элемента более широких российских операций влияния; и 5) обзор стратегических и политических последствий для НАТО. В заключении приводятся конкретные политические рекомендации, направленные на укрепление стойкости и сдерживания на Западе перед лицом ядерного шантажа. На основе эмпирических данных, текстов доктрин и стратегического анализа данное исследование стремится выяснить природу ядерной риторики в войне против Украины и найти инструменты противодействия её разрушительному воздействию на основанный на правилах международный порядок.

Ядерное сдерживание в стратегических взглядах России

После распада Советского Союза российская ядерная доктрина претерпела постепенную, но существенную трансформацию, адаптируясь к новой геополитической обстановке и новому пониманию угроз. При этом ядерное оружие стало краеугольным камнем российской национальной безопасности и стратегического сдерживания.¹ Этот подход, основанный на историческом опыте и стратегических расчётах, определяет оборонную политику и внешнеполитические действия России уже более 30 лет.

В отличие от западных доктрин, в которых обычно различаются ядерные и неядерные инструменты влияния, Россия рассматривает сдерживание как

¹ Michael Kofman, Anya Loukianova Fink, "Escalation Management and Nuclear Employment in Russian Military Strategy," *War on the Rocks*, September 19, 2022, <https://warontherocks.com/2022/09/escalation-management-and-nuclear-employment-in-russian-military-strategy-2/>.

целостную концепцию, охватывающую ядерные, обычные, кибернетические и информационные компоненты.² В этой схеме сдерживание заключается не только в предотвращении войны, но и в формировании поведения противника на протяжении всего континуума мир-кризис-конфликт.

В 1990-х годах Россия столкнулась с серьёзным ослаблением обычного военного потенциала. В этой новой реальности ядерное оружие рассматривалось не просто как последнее средство, но как важнейший уравниватель при асимметрии сил с Западом. Как прямо отмечалось в российской Военной доктрине 2000 года, ядерное оружие могло быть применено «в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях».³ Это указывало на переход от советской политики «неприменения первым» к более гибкому подходу, отражающему неспособность России полагаться исключительно на обычные вооруженные силы. Последующие изменения в доктрине подтвердили эту позицию. Военная доктрина 2010 года допускала применение ядерного оружия в условиях, «ставящих под угрозу само существование государства»,⁴ а документ 2020 года под названием «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» уточнял российскую позицию сдерживания. Её политика делала акцент на сдерживании как оборонительной мере, призванной предотвратить агрессию, но также описывала сценарии, при которых применение ядерного оружия приемлемо, в том числе – когда достоверные разведывательные данные указывают на неминуемую угрозу баллистических ракет, или когда обычная агрессия угрожает существованию государства.⁵ Хотя эти положения сформулированы как оборонительные, они влекут серьёзные последствия для стабилизации кризиса и динамики эскалации.

Эту политику часто называют концепцией «эскалации для деэскалации», что предполагает более широкую схему управления эскалацией, выходящую за рамки одиночных тактических ударов.⁶ В то же время можно утвер-

² Kristin Ven Bruusgaard, “Russian Strategic Deterrence,” *Survival* 58, no. 4 (2016): 7–26, <https://doi.org/10.1080/00396338.2016.1207945>.

³ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 года № 706, <https://base.garant.ru/181993/>; “Russia’s Military Doctrine,” Arms Control Association, n.d., <https://www.armscontrol.org/act/2000-05/russias-military-doctrine>.

⁴ Военная доктрина Российской Федерации, официальный веб-сайт Президента России, 5 февраля 2010 года, <http://www.kremlin.ru/supplement/461>.

⁵ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, официальный веб-сайт Президента России, 02.06.2020, www.kremlin.ru/acts/bank/45562; *Basic Principles of State Policy of the Russian Federation on Nuclear Deterrence*, The President of the Russian Federation, June 8, 2020, по состоянию на 8 декабря 2025, https://rusmilsec.blog/wp-content/uploads/2021/08/nucdet_rf_2020_eng.pdf.

⁶ Kofman, Fink, “Escalation Management and Nuclear Employment.”

ждать, что эта стратегия направлена на сдерживание противников при помощи неопределённости, применяя оборону с нечётким порогом.⁷ Используя неопределённость, Россия видит в ядерном оружии инструмент для «трезвых» противников, стремясь «обнулить» обостряющийся конфликт на выгодных условиях.⁸ В целом, главной задачей российского ядерного оружия остаётся сохранение стабильности режима и единства государства.⁹ Однако из-за неудач России в войне против Украины она сейчас всеми силами пытается сохранить статус великой державы. Поэтому стратегические задачи российского ядерного оружия могут меняться, всё больше интегрируясь в операции влияния, а не сводясь к традиционной функции сдерживания.

Сдерживание страхом

В 2024 году Дмитрий Тренин, Сергей Авакянц и Сергей Караганов написали книгу под названием «От сдерживания к запугиванию. Ядерное оружие, геополитика, коалиционная стратегия». Согласно обложке, основой для текста послужил доклад для Правительства Российской Федерации.¹⁰ Любопытно, что её выход совпал с публикацией обновлённого документа «Основные принципы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» в ноябре 2024 года, поэтому можно предположить, что представленная в данной книге информация отражает официальный подход России к ядерному оружию, существенно отличающийся от прежних интерпретаций.

Основная цель данной статьи — показать, что Россия видит в ядерном оружии инструмент не столько военного сдерживания, сколько операций влияния. Этот аргумент особенно актуален в стратегических условиях после 2022 года, когда ядерная риторика всё больше интегрируется в общую силовую и информационную позицию России по отношению к странам Запада. Поэтому книга Тренина, Авакянца и Караганова 2024 года стала единственным источником, позволяющим теоретически обоснованно по-новому осмыслить этот сдвиг, поскольку она вышла непосредственно перед официальным пересмотром российской ядерной политики. Никакой другой официальный или полуофициальный источник не подтверждает столь прямо наш главный тезис о том, что Россия использует ядерное оружие не для классического сдерживания, а как инструмент стратегического влияния.

⁷ Kofman, Fink, “Escalation Management and Nuclear Employment.”

⁸ Kofman, Fink, “Escalation Management and Nuclear Employment.”

⁹ Kofman, Fink, “Escalation Management and Nuclear Employment.”

¹⁰ От сдерживания к запугиванию. Ядерное оружие, геополитика, коалиционная стратегия / Дмитрий Тренин, Сергей Авакянц, Сергей Караганов, Факультет мировой экономики и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт военной экономики и стратегии (М.: Молодая гвардия, 2024).

Война в Украине и выбранный период времени дают эмпирически наиболее прочную основу для оценки этого сдвига.

Именно поэтому, например, Адамский¹¹ не имеет прямого отношения к нашему анализу. Его работа объясняет, как российская стратегическая культура понимает сдерживание, и прослеживает его доктринальную эволюцию и стратегическую логику, а наша статья прямо переосмысливает ядерную риторику как инструмент операций влияния, и распространяет эту логику на сферы политики, социальной устойчивости и стратегической коммуникации. Этот аналитический шаг выходит за рамки работы Адамского и представляет собой отдельный вклад в изучение российской ядерной стратегии в контексте безопасности после 2022 года.

Тренин же с соавторами¹² утверждает, что традиционное понимание сдерживания устарело и не отражает современных вызовов безопасности и восприятия угроз. Поэтому они считают, что необходимо разработать новую доктрину, которая, не полагаясь исключительно на взаимную уязвимость и баланс страха, включала бы более гибкий, психологический подход, часто именуемый «сдерживанием через устрашение».¹³ В этой схеме ядерное оружие функционирует не просто как инструмент предотвращения войны, но как механизм формирования восприятия противников, ограничения их политического выбора и манипулирования их расчётом рисков посредством выверенного запугивания.

Эта доктрина меньше фокусируется на материальном балансе и больше – на влиянии на политическую волю и принятие решений противником. Это активная, динамичная стратегия, сочетающая военные сигналы, психологическое манипулирование и когнитивную войну для достижения сдерживающего эффекта в мирное время и в условиях конфликта. Её цель – не отражать западную модель сдерживания, во многом опирающуюся на теорию рационального игрока и стабильную теорию игр,¹⁴ но подорвать её изнутри при помощи неопределённости, неясности и запугивания. Приоритетом является управление восприятием и психологическое давление, а не взаимное гарантированное уничтожение. Стратегия России часто направлена на то, чтобы задолго сеять сомнения, парализуя принятие решений и ограничивая ответные действия противника без реального применения силы. Эта схема тщательно продумана, чтобы спровоцировать *нерешительность, замешательство и осторожность* противника, особенно западных руководителей, которые руководствуются нормами рациональной эскалации и

¹¹ Dmitry Adamsky, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2019).

¹² От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов.

¹³ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов.

¹⁴ Bruce Bueno de Mesquita, David Lalman, *War and Reason: Domestic and International Imperatives* (New Haven, CT: Yale University Press, 1992); Frank C. Zagare, "Deterrence Theory, Then and Now: There Is No Going Back," *St Antony's International Review* 9, no. 1 (2013): 157-167.

прозрачности. Это инструмент превентивного сдерживания, а не последнее пассивное средство.

Основные элементы¹⁵ устрашения таковы:

- *Расплывчатость порогов*: размывание понятия неприемлемой угрозы, чтобы сохранить неопределённость у противника;
- *Видимость возможностей*: частая целенаправленная демонстрация стратегических систем на учениях, испытаниях ракет и в СМИ для усиления возможных последствий;
- *Декларативные угрозы*: публичные предупреждения политических и военных руководителей о «неприемлемых последствиях» или «ответных разрушениях»;
- *Применение неядерных инструментов*: киберугроз, дезинформации и обычных угроз для имитации сигналов ядерного сдерживания, создавая многоуровневый эффект сдерживания.

Далее, в отличие от традиционных подходов к сдерживанию, Россия рассматривает эскалацию как сдерживающий фактор, а не как провал сдерживания. Конечная стратегическая цель сдерживания – не паритет, а давление. Россия использует эту доктрину для формирования стратегической обстановки, а не просто для реагирования на внешние действия. В этом смысле сдерживание путём запугивания носит скорее наступательный, чем оборонительный характер, поскольку речь идет об установлении правил игры – сдерживании не только нападения, но и целых направлений политики и стратегии.

В Украине ядерные угрозы России были направлены на формирование общественного мнения, задержку поставок оружия и подталкивание западных правительств к осторожной оценке рисков,¹⁶ чтобы не просто предотвратить прямое вмешательство, а замедлить и разобщить единодушную поддержку Запада, посеяв страх, раздор и сомнения.

Внушение страха служит и более широким геополитическим амбициям России, подрывая сплочённость Запада. Как отмечено в книге, устрашение наиболее эффективно в плюралистических, демократических обществах, с их внутренними дебатами и влиянием СМИ на общественное мнение. Именно это делает его идеальным дополнением к российской доктрине информационной войны. В этой системе ядерная риторика – не последнее средство, а масштабируемый, многократно используемый инструмент влияния. Её психологическая сила даёт России недорогой эффективный способ влиять на результаты даже в конфликтах, где она может оказаться в невыгодном положении при использовании традиционных методов.

Поэтому понимание устрашения важно для выработки Западом более устойчивой стратегии сдерживания и влияния. Мало просто противостоять

¹⁵ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов.

¹⁶ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов.

ракетам; мы должны противостоять ещё и ментальной модели сдерживания, лежащей в основе российского подхода.

Ядерная риторика России в отношении Украины с февраля 2022 по 2024 год

С самого начала полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 года ядерная риторика была постоянным и продуманным элементом стратегии Кремля. В этом разделе мы опишем ключевые этапы ядерных сигналов во время войны, иллюстрирующие, как риторическая эскалация соотносилась с ходом боевых действий, чтобы удержать НАТО от вмешательства и подорвать трансатлантическое единство.

1 этап: начало вторжения и первые ядерные сигналы (февраль-июль 2022 г.)

Вторжение России 24 февраля 2022 года сопровождалось невиданной ядерной активностью. В своем обращении с оправданием вторжения президент Владимир Путин заявил, что любое внешнее вмешательство повлечёт последствия, «которых вы ещё никогда не видели в своей истории».¹⁷ Через несколько дней российские силы стратегического сдерживания были приведены в повышенную боевую готовность, чтобы продемонстрировать решимость западным столицам и предостеречь НАТО от прямого вмешательства.¹⁸ Ядерную риторику поддержали государственные СМИ и военные демонстрации, включая масштабные учения с привлечением средств доставки ядерного оружия. Обращение к ядерной риторике на столь раннем этапе не только служило стратегическому сдерживанию, но и стало психологическим оружием влияния на общественное мнение и политические споры на Западе.¹⁹ Угроза была направлена не столько на достижение примущества на поле боя, сколько на повышение вероятных издержек эскалации и обеспечение свободы действий для России.

Когда Украина весной-летом 2022 года начала получать серьёзную военную помощь Запада, Россия усилила риторику. Российские официальные лица назвали помощь НАТО «войной через прокси»,²⁰ намекая, что вероят-

¹⁷ Обращение Президента Российской Федерации, официальный веб-сайт Президента России, 21 февраля 2022, <https://kremlin.ru/events/president/news/67828>.

¹⁸ Heather Williams et al., “Russian Nuclear Calibration in the War in Ukraine,” Brief, Center for Strategic and International Studies (CSIS), February 23, 2024, <https://www.csis.org/analysis/russian-nuclear-calibration-war-ukraine>.

¹⁹ Williams et al., “Russian Nuclear Calibration in the War in Ukraine.”

²⁰ «Лавров: НАТО вступает в прокси-войну с Россией, вооружая Украину», *Коммерсантъ*, 26.04.2022, <https://www.kommersant.ru/doc/5327891>.

ность ядерного ответа может быть связана не только с прямым нападением на российскую территорию.^{21,22,23}

II этап: перемены на фронте и рост угроз (август-октябрь 2022 г.)

Шла война, украинские войска успешно контрнаступали, особенно под Харьковом и Херсоном. Поражения на фронте сопровождались ужесточением риторики российских лидеров. В сентябре, после незаконных референдумов в четырёх областях Украины, президент Путин пообещал использовать «все имеющиеся средства» для защиты территориальной целостности России, в чём можно было увидеть завуалированную ядерную угрозу.²⁴

Позже министр обороны России Сергей Шойгу заявил, что Украина планирует взорвать «грязную бомбу» – западные разведки опровергли версию о провокации, но она посеяла смятение и укрепила нарратив об экзистенциальной угрозе внутри страны.²⁵ Цель России состояла в том, чтобы размыть грань между обычным и ядерным конфликтом и подготовить российское общество к возможному применению тактического ядерного оружия в случае продолжения боевых действий.²⁶

В то время аналитики обсуждали реальность ядерной угрозы. Сообщалось, что американские официальные лица считают эту возможность серьёзной – их разведка допускала применение тактического ядерного оружия в отчаянной ситуации.²⁷ НАТО, однако, продолжала свою политику, воздерживаясь от пересечения каких-либо «красных линий», которые могли бы спровоцировать Россию на эскалацию.²⁸

²¹ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 года № 706.

²² Военная доктрина Российской Федерации, официальный веб-сайт Президента России, 5 февраля 2010 года.

²³ Основные принципы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, 2020.

²⁴ Nick Schiffrin, Zeba Warsi, “Putin Vows to Defend Illegally Seized Regions in Ukraine by ‘All Available Means,’” *PBS News*, September 30, 2022, www.pbs.org/newshour/show/putin-vows-to-defend-illegally-seized-regions-in-ukraine-by-all-available-means.

²⁵ Paul Adams, “Russian Dirty Bomb Claims ‘Feel Like Scare Tactics,’” *BBC*, October 26, 2022, <https://www.bbc.com/news/world-europe-63390210>.

²⁶ Michal Smetana, Michal Onderco, “‘Hope the Russians Love Their Children Too’: Russian Public Support for the Use of Nuclear Weapons after the Invasion of Ukraine,” *Journal of Global Security Studies* 10, no. 3 (September 2025): ogaf012, <https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf012>.

²⁷ William J. Burns, цитата из Jacob Knutson, “CIA Director: U.S. Can’t ‘Take Lightly’ Russian Nuclear Threat in Ukraine,” *Axios*, April 15, 2022, www.axios.com/2022/04/15/cia-director-russia-nuclear-weapons-ukraine.

²⁸ “Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg Previewing the Extraordinary Summit of NATO Heads of State and Government,” NATO, March 23, 2022, <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2022/03/23/press-conference>.

III этап: институционализация неопределённости и изменения в доктрине (ноябрь 2022 – июль 2023 гг.)

После освобождения Украиной Херсона в ноябре 2022 года²⁹ Россия приняла шаги по документальному закреплению своей ядерной риторики. Главными шагами стали приостановка участия России в Договоре СНВ-3 в начале 2023 года и отзыв ратификации Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний.³⁰ Эти символические шаги должны были показать стратегическую независимость России и отказ от режимов контроля вооружений, которые, как она считала, ограничивали свободу её действий.

Примечательно, что в марте 2023 года Путин объявил о размещении тактического ядерного оружия в Беларуси – российское ядерное оружие впервые оказалось за пределами её территории после холодной войны.³¹ Хотя этот шаг был представлен как оборона, он означал серьёзную эскалацию силового противостояния, приблизившую ядерную угрозу к границам НАТО. На этом этапе российские ядерные учения проводились чаще и активнее, часто имитируя ограниченные ядерные удары в ответ на сценарии НАТО. Эти учения, широко освещаемые в государственных СМИ, были призваны приучить внутреннюю и внешнюю аудиторию видеть в применении ядерного оружия допустимый инструмент конфликта.³²

IV этап: стратегическая демонстрация и снижение порога (ноябрь – декабрь 2024 г.)

Наиболее драматичный эпизод такой смены риторики произошёл в конце 2024 года. 21 ноября Россия провела резонансный пуск баллистической ракеты средней дальности «Орешник» по цели в районе города Днипро.³³ Это не был ядерный удар, но его стратегический характер и публичность явно указывали на попытку продемонстрировать свои возможности и решимость.

19 ноября президент Путин подписал пересмотренную ядерную доктрину, ещё больше снизившую порог применения ядерного оружия. В новом тексте подчёркивалось право ответить ядерным оружием на обычную

²⁹ Tom Balmforth, "In Newly Liberated Kherson, Ukrainians Celebrate but Worry About What's Next," *Reuters*, November 19, 2022, www.reuters.com/world/europe/newly-liberated-kherson-ukrainians-celebrate-worry-about-whats-next-2022-11-17/.

³⁰ Bureau of Arms Control and Nonproliferation, *2023 Report to Congress on Implementation of the New START Treaty*, U.S. Department of State, January 31, 2024, www.state.gov/bureau-of-arms-control-deterrence-and-stability/releases/2024/01/2023-report-to-congress-on-implementation-of-the-new-start-treaty.

³¹ James Gregory, "Putin: Russia to Station Nuclear Weapons in Belarus," *BBC News*, March 26, 2023, <https://www.bbc.com/news/world-europe-65077687>.

³² Gregory, "Putin: Russia to Station Nuclear Weapons in Belarus."

³³ Anastasiia Malenko, Tom Balmforth, Max Hunder, "Russia Fired New Ballistic Missile at Ukraine, Putin Says," *Reuters*, November 22, 2024, www.reuters.com/world/europe/russia-launches-intercontinental-ballistic-missile-attack-ukraine-kyiv-says-2024-11-21/.

агрессию, поддержанную ядерными державами, и подтверждалась готовность России защитить свою территориальную целостность всеми необходимыми средствами.³⁴

НАТО и США отреагировали быстро, но взвешенно. Госдепартамент США осудил эти изменения, как «эскалационные и дестабилизирующие», подтвердив неизменность американской ядерной политики,³⁵ а европейские официальные лица³⁶ назвали их проявлением привычной российской стратегии ядерного шантажа, а не просто бряцанием оружием.

В декабре Россия заключила соглашение о размещении ядерного оружия с Беларусью, фактически приблизив свой тактический арсенал к восточному флангу НАТО. Президент Александр Лукашенко публично поддержал это соглашение как механизм коллективной обороны.³⁷ Это была кульминация двух лет эскалационной риторики, манипуляций с доктриной и стратегических заявлений.

Ядерная риторика как инструмент операций влияния России

Использование Россией ядерной риторики в войне против Украины выходит за рамки традиционной логики сдерживания.³⁸ Если в прошлом основной целью ядерных сигналов было убедить противника не начинать стратегический конфликт, то с 2022 года ядерная риторика Москвы преследует более широкую стратегическую цель: она стала важным компонентом её операций влияния.³⁹ Используя страх и неуверенность в качестве оружия, Россия стремится не только удержать НАТО от вмешательства, но и подорвать решимость Запада, расколоть единство союзников и манипулировать внутренней аудиторией в демократических обществах.⁴⁰ Ядерная риторика здесь действует, как военная угроза и когнитивный инструмент принуждения.⁴¹

³⁴ Указ Президента Российской Федерации об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, официальный веб-сайт Президента России, 19.11.2024, www.kremlin.ru/acts/bank/51312.

³⁵ Matthew Miller, "Department Press Briefing – November 19, 2024," U.S. Department of State, <https://2021-2025.state.gov/briefings/departments-press-briefing-november-19-2024/>.

³⁶ "Reaction to Putin's Approval of a New Russian Nuclear Doctrine," *Reuters*, November 20, 2024, <https://www.reuters.com/world/reaction-putins-approval-new-russian-nuclear-doctrine-2024-11-20/>.

³⁷ "Lukashenko Confirms Belarus Has Nuclear Weapons," *TASS*, December 10, 2024, <https://tass.com/world/1885201>.

³⁸ Adamsky, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, 223-230.

³⁹ Williams et al., "Russian Nuclear Calibration in the War in Ukraine."

⁴⁰ Katarzyna Zysk, "Escalation and Nuclear Weapons in Russia's Military Strategy," *RUSI Journal* 163, no. 2 (2018): 6-9, www.rusi.org/explore-our-research/publications/rusi-journal/escalation-and-nuclear-weapons-russias-military-strategy.

⁴¹ Adamsky, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, 223-230.

От сдерживания к стратегическому влиянию

Согласно классической теории сдерживания, противника удерживает от агрессии угроза неприемлемой отплаты.⁴² Россия переняла эту схему, объединив её с тем, что учёные называют «сигналами принуждения»,⁴³ или «сдерживанием страхом».⁴⁴ В Украине Россия использовала ядерную риторику не только для недопущения ударов НАТО по российским войскам, но и для влияния на стратегические расчёты западных правительств и общества.

Постоянная угроза ядерной эскалации – в доктринах, намёках, учениях – влияла на темпы и масштаб военной помощи Западу Украине. В начале 2022 года нежелание НАТО вводить бесполётную зону или поставлять современные системы оружия частично объяснялось опасениями ядерной эскалации.⁴⁵ Хотя со временем помощь возросла, стратегия российской риторики провоцировала сомнения при принятии решений на Западе, особенно в ключевые моменты конфликта, такие как контрнаступления Украины в Харьковской и Херсонской областях.

Стратегическая неопределённость и манипуляции с доктриной

Главным в стратегии ядерного влияния России является стратегическая неопределённость,⁴⁶ то есть намеренное отсутствие ясности в том, когда и при каких обстоятельствах может применяться ядерное оружие.⁴⁷ Эта неопределённость создаёт психологическую неуверенность в руководстве, осложняя прогнозирование порога эскалации для НАТО. Например, пересмотренная российская ядерная доктрина 2024 года⁴⁸ предполагает, что даже обычные удары «при содействии» ядерных держав могут спровоцировать ядерный ответ. Эта формулировка размывает грань между прямой агрессией и косвенной поддержкой,⁴⁹ фактически рассматривая поставки оружия США и НАТО Украине как потенциальный «казус белли».

⁴² Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (New Haven, CT: Yale University Press, 1966).

⁴³ Zysk, “Escalation and Nuclear Weapons in Russia’s Military Strategy.”

⁴⁴ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов.

⁴⁵ Heather Williams, “Why Russia Is Changing Its Nuclear Doctrine Now,” Commentary, Center for Strategic and International Studies, September 27, 2024, www.csis.org/analysis/why-russia-changing-its-nuclear-doctrine-now.

⁴⁶ Charlie Hancock, “Russia’s New Nuclear Doctrine Takes Advantage of Ambiguity,” *The Moscow Times*, November 19, 2024, <https://www.themoscowtimes.com/2024/11/19/russias-new-nuclear-doctrine-takes-advantage-of-ambiguity-a87072>; Maxim Starchak, “Is Russia’s Nuclear Doctrine Worth the Paper It’s Written On?” Carnegie Russia Eurasia Center, November 25, 2024, <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/11/russia-new-nuclear-threat>.

⁴⁷ Kofman, Fink, “Escalation Management and Nuclear Employment.”

⁴⁸ Указ Президента Российской Федерации об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания,” 2024.

⁴⁹ Hans M. Kristensen, Matt Korda, Eliana Johns, “Russian Nuclear Weapons, 2023,” *Bulletin of the Atomic Scientists* 79, no. 3 (2023): 174-199, <https://doi.org/10.1080/>

Используя доктринальную неопределённость, Россия расширяет сферу действия своей стратегии сдерживания, сохраняя при этом возможность отрицать свою роль.⁵⁰ Это позволяет Москве сохранять давление на Запад, не прибегая к необратимым эскалационным мерам,⁵¹ и вынуждает стратегов НАТО готовиться к более широкому спектру чрезвычайных ситуаций, что увеличивает стратегические издержки и сеет разногласия среди союзников с разным восприятием угроз.

Кампании в СМИ и психологические сигналы

Российские государственные СМИ играют важную роль в нагнетании ядерной риторики для внутренней и международной аудитории. В таких телепрограммах, как «60 минут» и «Соловьев Live», демонстрировалась имитация ядерных ударов по европейским столицам с комментариями о способности России уничтожить Запад.⁵² Эти демонстрации – не просто пропагандистская бравада; их целенаправленно создают для осознания угрозы и продвижения нарративов о неизбежной конфронтации.

В международной аудитории, особенно западной, такие материалы спекулируют на существующем в обществе страхе ядерной войны и подрывают поддержку дальнейшего вмешательства в конфликт в Украине. При эскалации напряжённости, например, развёртывании тактического ядерного оружия в Беларуси в марте 2023 года, СМИ подавали этот шаг как законную оборону и напоминание о разрушительном потенциале России.⁵³ Такая двойственность усиливает позицию России и как жертвы, и как агрессора, затрудняя для сторонних наблюдателей оценку её намерений и выработку адекватного ответа.

Постоянное упоминание ядерных угроз психологически утомляет население стран Запада. Со временем эта усталость может вылиться в давление общества на правительства с требованиями дэскалации или сокращения военной поддержки, что является одной из главных целей российских операций влияния.

Дезинформация и управление восприятием

Помимо прямых сигналов, Россия прибегала к дезинформации в поддержку своих ядерных нарративов. Ложь о том, будто Украина разрабатывает ядерное оружие или готовится применить «грязную бомбу», была призвана не только оправдать действия России, но и представить Украину и её союзников безрассудными нагнетателями напряжённости.⁵⁴ Такие заявления по-

00963402.2023.2202542.

⁵⁰ Adamsky, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, 223-230.

⁵¹ Kofman, Fink, "Escalation Management and Nuclear Employment."

⁵² Gavin Briggs, "Russia's Misinformation Campaign during Wartime," *Journal of Information Warfare* 22, no. 1 (2023): 32-43.

⁵³ Kristensen, Korda, Johns, "Russian Nuclear Weapons, 2023."

⁵⁴ Iuliia Hoban, Alex Rister, "Nuclear Anxiety as an Instrument of War: The Use of News

вторяли официальные каналы и прокремлёвские деятели в соцсетях,⁵⁵ расширяя теории заговора и дезориентируя общество в понимании конфликта.

Эти нарративы призваны подорвать моральную ясность позиции Запада. Если представить Украину как ядерную или радиологическую угрозу, пусть даже ложно, западная общественность может усомниться в её поддержке, а образ НАТО как ядерного агрессора позволяет России отвлечь внимание от её действий и усложнить вопросы ответственности и вины.

Такая дезинформация нацелена и на незападную аудиторию. В странах Глобального Юга, где скепсис по отношению к политике Запада остаётся высоким, российские нарративы приобретают популярность, особенно если подать их как противодействие милитаризму США.⁵⁶ Подрывая международную солидарность с Украиной, Россия стремится ослабить дипломатическую изоляцию и укрепить альтернативные союзы, разделяющие её точку зрения на конфликт.

Внутренние трения и подрыв единства

Возможно, главное здесь то, что российская ядерная риторика подрывает внутренний консенсус в НАТО и Евросоюзе. Разное восприятие угроз государству в таких странах, как Польша и страны Балтии, с одной стороны, и Германия или Франция, с другой, может усугубляться продуманными российскими угрозами. Например, когда Россия предупредила об ударах в ответ на поставки ракет большой дальности, некоторые правительства колебались, опасаясь эскалации, а другие выступали за более жёсткую линию.

Это расхождение говорит об эффективности ядерной риторики для создания неопределённости в политике альянса. Цель России – не провоцировать открытый конфликт с НАТО, а постоянно вынуждать его реагировать в состоянии нерешительности и разобщённости. Чем дольше страны Запада спорят о том, «пересекает ли действие красную линию», тем больше у России времени для упрочения своих военных и политических позиций в Украине.

Кроме того, Кремль нацелен на внутреннюю оппозицию в демократических обществах. Крайне правые и крайне левые партии по всей Европе, а также изоляционисты в США часто приводят ядерные риски в оправдание

Media to Shape and Respond to the Disinformation Campaign Surrounding the Zaporizhzhia Nuclear Power Plant,” *Media, War & Conflict* 18, no. 1 (2024): 140-158, <https://doi.org/10.1177/17506352241256575>.

⁵⁵ Neville Bolt et al., *Kremlin Communication Strategy for Russian Audiences Before and After the Full-Scale Invasion of Ukraine* (Riga, Latvia: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, October 2023), <https://stratcomcoe.org/publications/kremlin-communication-strategy-for-russian-audiences-before-and-after-the-full-scale-invasion-of-ukraine/293>.

⁵⁶ Megi Benia, “Russia’s Disinformation and the War in Ukraine,” UGSP Analytical Paper Series (Tbilisi: UG Security Platform, July 2023), 1-9, <https://ugsp.ug.edu.ge/storage/publications/July2023/XUH1lhyqGGNZmvUyam1B.pdf>.

сокращения поддержки Украины.⁵⁷ Эти позиции часто транслируют российские СМИ и их представители в соцсетях, что углубляет политическую поляризацию и подрывает консенсус элит.

Влияние, а не сдерживание: переосмысление ядерных сигналов

В целом, эти методы демонстрируют важнейший концептуальный сдвиг: ядерная риторика для России – не просто фактор сдерживания экзистенциальных угроз, а инструмент комплексного влияния. Она направлена на формирование восприятия противника, манипулирование общественным мнением и изменения в деятельности различных институтов. Таким образом, угроза ядерной эскалации вплетена в ткань более широкой стратегии информационно-войны России.

В случае Украины эта стратегия имела ощутимые, хоть и не решающие, последствия. Она задержала некоторые поставки западного оружия, спровоцировала трансатлантические дебаты об эскалации и посеяла страх среди населения. Однако она также обнажила пределы ядерного запугивания: решимость НАТО в целом сохранилась, и военная поддержка Украины продолжала расти, несмотря на угрозы.

Однако долгосрочные последствия могут быть глубже. Используя ядерную риторику в региональном конфликте, Россия рискует нарушить табу на ядерные угрозы и снизить глобальный порог их применения в будущих кризисах. Продемонстрирована эффективность ядерных сигналов как инструмента влияния, что потенциально может вдохновить на подобную тактику и другие реваншистские режимы.

Стратегические и политические последствия

Использование Россией ядерной риторики в украинской кампании выявило критичные слабые места в существующем международном ядерном порядке и архитектуре сдерживания НАТО. Хотя ядерное оружие не было применено, политическая и психологическая сила российских сигналов имела дестабилизирующие последствия, показав, как ядерные угрозы могут формировать стратегическую ситуацию, влиять на единство альянса и подрывать устоявшиеся нормы. Эти события позволили извлечь ряд уроков и повлекли стратегические и политические последствия:

1. Риски стратегических просчётов и заблуждений

Пожалуй, главной проблемой является риск стратегической ошибки. В моменты высокой напряжённости неопределённость России может быть истолкована как сигнал неминуемой эскалации или, наоборот, как блеф, что приведёт к неадекватной реакции. Эта неопределённость особенно опасна при коротких временных окнах для принятия решений и ограниченных ка-

⁵⁷ “Behind the Curtain: Unveiling Pro-Kremlin Ecosystems in Europe,” Institute for Strategic Dialogue (ISD) Global, January 9, 2025, www.isdglobal.org/publication/behind-the-curtain-unveiling-pro-kremlin-ecosystems-in-europe-2/.

налах кризисной связи. Поскольку действия России всё больше отдаляют сдерживание от сдержанности в действиях, возрастает вероятность неправильного понимания намерений любой из сторон, особенно в случае эскалации боевых действий, случайных ударов или гибридных операций на территории НАТО. В таких условиях даже обычные инциденты могут быстро перерасти в ядерную конфронтацию.

2. Эрозия ядерных норм и стабильности сдерживания

После начала войны в Украине в 2022 году мы наблюдаем явную эрозию ядерных норм, особенно табу⁵⁸ на использование ядерной риторики в качестве обычного политического инструмента после Холодной войны. Регулярное упоминание Россией своих ядерных сил сделало нормой то, что когда-то считалось крайней эскалацией. Такая эрозия подрывает стабильность сдерживания, ослабляя восприятие последствий ядерных угроз. Чем больше такой риторики остаётся без ответа, тем выше вероятность её повторения другими ядерными странами или претендентами на эту роль. Использование ядерных сигналов в повседневной дипломатии Северной Кореи и растущие капиталовложения Китая в ядерные силы на ТВД указывают на тревожную тенденцию появления многополярной ядерной среды, где риторика принуждения становится стандартным инструментом государственной политики. Более того, выход России из таких соглашений по контролю над вооружениями, как СНВ-III и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), указывает на долгосрочную деградацию норм стратегической прозрачности и верификации. Этот шаг не только снижает предсказуемость, но и подрывает взаимное доверие, которое является важнейшим условием урегулирования кризисов и избегания эскалации.

3. Вызовы для политики сдерживания и доверия к НАТО

Стратегия коллективного сдерживания НАТО тоже подвергается испытаниям. Хотя альянсу успешно удавалось сохранять единство, избегая прямой военной конфронтации с Россией, российская ядерная риторика ограничивала скорость и характер реакции Запада. Первоначальные колебания в отношении некоторых систем вооружений отчасти были вызваны страхом спровоцировать Россию на эскалацию. Это указывает на главную проблему: как сдерживать ядерный шантаж, не провоцируя конфронтацию. Действия России выявляют концептуальный пробел в позиции НАТО между готовностью к применению обычных вооруженных сил и ядерными сигналами. Нынешняя политика заявлений, особенно акцент на ядерном оружии как на

⁵⁸ Nina Tannenwald, James M. Acton, Jane Vaynman, *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Emerging Risks and Declining Norms in the Age of Technological Innovation and Changing Nuclear Doctrines*, sec. 3, "The Great Unraveling: The Future of the Nuclear Normative Order" (Cambridge, MA: American Academy of Arts & Sciences, 2018), www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/New-Nuclear-Age_Emerging-Risks.pdf.

крайней мере, может оказаться недостаточной для сдерживания ядерного шантажа в региональных конфликтах со стратегической неопределённостью. Кроме того, доверие к сдерживанию НАТО связано с общественным и политическим доверием. Успешные попытки России посеять страх, сомнения и раздор в западных обществах угрожают подорвать это доверие.⁵⁹ Если союзники начнут сомневаться в способности или готовности НАТО пропорционально ответить, сдерживание может быть ослаблено изнутри.

4. Потребность психологической и информационной стойкости

Российские ядерные сигналы не ограничиваются государственной машиной или военными, это инструмент информационно-психологической войны, направленный на подрыв политической воли демократических обществ. Усиливая страх перед ядерной эскалацией, распространяя дезинформацию о намерениях Украины и используя разногласия в странах НАТО, Россия стремится парализовать процесс принятия решений и перехватить стратегическую инициативу. Эта динамика указывает на важность устойчивости общества. Военное сдерживание важно, но оно должно подкрепляться готовностью общества, политическим консенсусом и медийной грамотностью. Психологические манипуляции, если им не противостоять, могут повлечь реальные стратегические последствия.

Стратегические последствия ядерной риторики России в целом велики. Они затрагивают не только нынешнюю войну в Украине, но и цельность глобальных систем сдерживания. Война выявила слабые места, которые необходимо устранить путём всесторонней корректировки политики.

Политические рекомендации

Война в Украине ясно показала, что ядерную риторику уже нельзя рассматривать как отдельную или изолированную область государственной политики. В ней следует видеть неотъемлемый элемент более широких операций влияния России. НАТО и партнёрам нужно должным образом адаптироваться, объединив стратегическую коммуникацию, политику альянса и политическую стойкость для противодействия военным и психологическим последствиям силовых ядерных сигналов. Стратегической основой для решения этой задачи могут стать следующие рекомендации:

1. Включить ядерные сигналы в стратегию НАТО по противодействию влиянию

НАТО и западные правительства должны прямо признать, что ядерная риторика является инструментом целенаправленного влияния, а не просто

⁵⁹ Liviu Horowitz, Anna Clara Arndt, "Russia's Catch-All Nuclear Rhetoric in Its War against Ukraine: A Balancing Act between Deterrence, Dissuasion, and Compellence Strategies," *Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) Comment* 2022/C 60, October 19, 2022, <https://doi.org/10.18449/2022C60>; Claire Mills, "Russia's Use of Nuclear Threats during the Ukraine Conflict," *Research Briefing CBP-9825*, House of Commons Library, December 20, 2024, <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9825/>.

механизмом сдерживания. Противодействие ей требует выхода за рамки реагирования и включения ядерной риторики в общеправительственные механизмы реакции на угрозы, включая публичную дипломатию, стратегическую коммуникацию и мониторинг гибридных угроз.

Это означает учёт ядерных тем при анализе дезинформации, оценку эффективности кампаний влияния и рисков вмешательства в выборы, а также подход к ядерной риторике как к когнитивному оружию, где сдерживание достигается за счёт не только доверия, но разоблачения и развенчания подоплёки этих сигналов. Подразделения стратегической коммуникации НАТО должны быть обучены выявлять ядерные намёки в нарративах государственных СМИ, анализировать их политический контекст и оперативно противодействовать или нейтрализовать их, прежде чем они повлияют на общественное мнение.

2. Усилить политику сдерживания НАТО при помощи чётких, заслуживающих доверия сигналов

Чтобы компенсировать психологические последствия неопределённости России, НАТО следует укрепить ясность своей стратегии сдерживания и доверие к ней, что включает:

- Официальное разъяснение ядерных «красных линий» НАТО и порогов эскалации, особенно когда Россия пересматривает свои собственные;
- Реагирование на изменения в доктринах и развёртывание российских войск (например, в Беларуси) не только военной готовностью, но и скоординированными публичными заявлениями, подчёркивающими единство Альянса и аналогичную решимость;
- Избегание склонности России к эскалации, публично отвергая ядерные угрозы как инструмент принуждения. Нарратив сдерживания НАТО должен быть сдержанным, но не слабым;
- Повышение осведомлённости о стратегическом сдерживании среди политической элиты и общественности. Лучшее понимание динамики ядерных сигналов снижает уязвимость к психологическим манипуляциям и политическим спекуляциям.

3. Формировать стойкость к психологической войне с ядерными аргументами

Западные общества должны выработать новаторские организационные механизмы противодействия ядерной дезинформации и запугиванию. Успехи России в задержке поставок оружия и ослаблении общественной поддержки часто опирались на нарративы о неминуемой ядерной войне, подкрепляемые фейковыми фото, симуляцией и мнениями экспертов.

Для противодействия этому члены НАТО и ЕС должны:

- Внедрить модули повышения осведомлённости о ядерных угрозах в инициативы по обеспечению стойкости (например, в рамках Обязательств стойкости НАТО или рабочих групп Стратегической коммуникации ЕС);
- Обеспечить независимые СМИ и группы гражданского общества инструментами понимания и контекстуализации ядерных угроз, а также обучить их отличать показные угрозы от реальной эскалации;
- Сотрудничать с крупными цифровыми платформами для выявления или маркировки исходящего от государств контента, направленного на разжигание ядерной угрозы, в рамках противодействия гибридным угрозам.

Такая политика должна сохранять свободу мнений, одновременно не допуская бесконтрольного запугивания государством.

4. Ликвидировать пробел между сдерживанием и кризисной коммуникации

Наконец, НАТО следует инвестировать в протоколы кризисной коммуникации для прояснения рисков непонимания ядерной риторики при гибридных операциях или политической эскалации. Война в Украине показала, как легко ложные нарративы – например, о якобы украинской «грязной бомбе» – могут спровоцировать стратегический хаос.

Альянсу необходимо создать:

- Специальную группу взаимодействия на стыке стратегических коммуникаций и ядерной сферы в составе экспертов по стратегическим коммуникациям, ядерных планировщиков и информационных аналитиков;
- Ячейку быстрого реагирования, способную оперативно публиковать основанные на фактах заявления в ответ на наплыв сообщений по ядерной тематике.

Эти меры помогут НАТО контролировать нарративы, избежать ненужной эскалации и лишить противника инициативы в когнитивной сфере.

В целом, ответ на ядерную риторику России требует стратегического комплексного подхода. НАТО не следует рассматривать ядерные угрозы как чисто военные сигналы; на них нужно реагировать, как на операции влияния, направленные на манипулирование восприятием, подрыв единства и ограничение стратегии. Скорректированная упреждающая политика Запада будет важна не только для поддержки Украины, но и для сохранения долгосрочной ядерной стабильности в мире.

Заключение

Ядерная риторика России в войне против Украины обнаружила глубокую трансформацию природы и функций стратегического сдерживания. Ядер-

ные сигналы в рамках доктрины устрашения, не ограничиваясь теоретической эскалацией или применением в качестве крайнего средства, стали нормативным инструментом государственной политики, применяемым не только для сдерживания, но и для влияния на восприятия противника, манипулирования политическим дискурсом и осложнения принятия решений в альянсе. Психологическая и политическая полезность ядерных угроз, даже без реального развёртывания, указывает на меняющееся представление в России о сдерживании как о гибком и многомерном процессе.

В статье показано, что стратегическое использование Россией ядерной риторики исходит из подхода, резко отличающегося от западных моделей сдерживания. В то время как НАТО делает акцент на сдерживании на основе ясности, достоверности и сдержанности, Россия использует неопределённость, доминирование в эскалации и психологическое принуждение. Пример Украины показывает, как Россия пользуется неопределённостью как оружием для достижения политических целей, не переходя ядерный порог, задерживая западную поддержку, пугая эскалацией и подрывая единство демократических обществ.

В то же время очевидны и ограничения российского подхода. Несмотря на неоднократные ядерные угрозы, Запад постепенно нарастил военную помощь Украине и начал адаптировать свою стратегию. Тем не менее, нельзя игнорировать долгосрочный ущерб ядерным нормам, основам контроля вооружений и стабильности глобального сдерживания. Если не принять мер, пример России может подтолкнуть другие ядерные державы к принятию аналогичных стратегий принуждения.

Для решения этой проблемы НАТО и её партнёрам следует интегрировать ядерную риторику в более широкое понимание операций влияния. Сдерживание должно быть как военным, так и когнитивным, основанным на реальных возможностях, а также на стойкости политических систем и общества. По мере усиления стратегического соперничества способность противостоять и противодействовать ядерному запугиванию будет столь же важна, как и способность сдержать применение ядерного оружия.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Меги Бения – грузинская дипломатка и эксперт в области безопасности, приглашённый научный сотрудник Центра исследований безопасности, политики и национализма при Университете Грузии и исследователь Платформы за мир и гуманность. Будучи аспирантом, Меги изучает кибербезопасность в стратегической доктрине НАТО и применимость коллективной обороны к киберпространству. Её научная деятельность охватывает российские операции влияния, концепцию коллективной обороны НАТО, международную кибербезопасность, устойчивость и трансатлантические отношения. Меги читает лекции в Кавказском университете и ранее преподавала в Грузинском университете; она – автор многочисленных публикаций и активная общественница, участвующая в политических обсуждениях в форме исследований, статей, комментариев, в ходе конференций и сотрудничая со СМИ. <https://orcid.org/0009-0002-4281-6019>

Библиография

- "Behind the Curtain: Unveiling Pro-Kremlin Ecosystems in Europe," Institute for Strategic Dialogue (ISD) Global, January 9, 2025, www.isdglobal.org/publication/behind-the-curtain-unveiling-pro-kremlin-ecosystems-in-europe-2/.
- "Decree of the President of the Russian Federation on Approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Nuclear Deterrence," President of the Russian Federation Official Site, November 19, 2024, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312>. – in Russian
- "Lukashenko Confirms Belarus Has Nuclear Weapons," TASS, December 10, 2024, <https://tass.com/world/1885201>.
- "Military Doctrine of the Russian Federation," approved by Decree No. 706 of the President of the Russian Federation of April 21, 2000, <https://base.garant.ru/181993/>. – in Russian
- "Military Doctrine of the Russian Federation," President of Russia, February 5, 2010, archived copy in Russian at https://web.archive.org/web/20110505040520/http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
- "Military Doctrine of the Russian Federation," President of the Russian Federation Official Website, February 5, 2010, <http://www.kremlin.ru/supplement/461>. – in Russian.
- "Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg Previewing the Extraordinary Summit of NATO Heads of State and Government," NATO, March 23, 2022, www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2022/03/23/press-conference.
- "Reaction to Putin's Approval of a New Russian Nuclear Doctrine," *Reuters*, November 20, 2024, <https://www.reuters.com/world/reaction-putins-approval-new-russian-nuclear-doctrine-2024-11-20/>.
- "Russia Accuses NATO of 'Proxy War' in Ukraine as US Hosts Crucial Defence Summit," *The Guardian*, April 26, 2022, www.theguardian.com/world/2022/apr/26/russia-accuses-nato-of-proxy-war-in-ukraine-as-us-hosts-crucial-defence-summit.
- "Russia's Military Doctrine," Arms Control Association, n.d., accessed December 8, 2025, <https://www.armscontrol.org/act/2000-05/russias-military-doctrine>.
- Adams, Paul, "Russian Dirty Bomb Claims 'Feel Like Scare Tactics'," *BBC*, October 26, 2022, <https://www.bbc.com/news/world-europe-63390210>.
- Adamsky, Dmitry, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2019).

Balmforth, Tom, "In Newly Liberated Kherson, Ukrainians Celebrate but Worry About What's Next," *Reuters*, November 19, 2022, www.reuters.com/world/europe/newly-liberated-kherson-ukrainians-celebrate-worry-about-whats-next-2022-11-17/.

Basic Principles of State Policy of the Russian Federation on Nuclear Deterrence, The President of the Russian Federation, June 8, 2020, accessed December 8, 2025, https://rusmilsec.blog/wp-content/uploads/2021/08/nucdet_rf_2020_eng.pdf.

Benia, Megi, "Russia's Disinformation and the War in Ukraine," UGSP Analytical Paper Series (Tbilisi: UG Security Platform, July 2023), <https://ugsp.ug.edu.ge/storage/publications/July2023/XUH1lhyqGGNZmvUYam1B.pdf>.

Bolt, Neville, et al., *Kremlin Communication Strategy for Russian Audiences Before and After the Full-Scale Invasion of Ukraine* (Riga, Latvia: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, October 2023), <https://stratcomcoe.org/publications/kremlin-communication-strategy-for-russian-audiences-before-and-after-the-full-scale-invasion-of-ukraine/293>.

Briggs, Gavin, "Russia's Misinformation Campaign during Wartime," *Journal of Information Warfare* 22, no. 1 (2023): 32-43.

Bureau of Arms Control and Nonproliferation, *2023 Report to Congress on Implementation of the New START Treaty*, U.S. Department of State, January 31, 2024, www.state.gov/bureau-of-arms-control-deterrence-and-stability/releases/2024/01/2023-report-to-congress-on-implementation-of-the-new-start-treaty.

de Mesquita, Bruce Bueno, and David Lalman, *War and Reason: Domestic and International Imperatives* (New Haven, CT: Yale University Press, 1992).

Gregory, James, "Putin: Russia to Station Nuclear Weapons in Belarus," *BBC News*, March 26, 2023, <https://www.bbc.com/news/world-europe-65077687>.

Hancock, Charlie, "Russia's New Nuclear Doctrine Takes Advantage of Ambiguity," *The Moscow Times*, November 19, 2024, www.themoscowtimes.com/2024/11/19/russias-new-nuclear-doctrine-takes-advantage-of-ambiguity-a87072.

Hoban, Iuliia, and Alex Rister, "Nuclear Anxiety as an Instrument of War: The Use of News Media to Shape and Respond to the Disinformation Campaign Surrounding the Zaporizhzhia Nuclear Power Plant," *Media, War & Conflict* 18, no. 1 (2024): 140-158, <https://doi.org/10.1177/17506352241256575>.

Horowitz, Liviu, and Anna Clara Arndt, "Russia's Catch-All Nuclear Rhetoric in Its War against Ukraine: A Balancing Act between Deterrence, Dissuasion, and Compellence Strategies," *Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) Comment* 2022/C 60, October 19, 2022, <https://doi.org/10.18449/2022C60>.

Knutson, Jacob, "CIA Director: U.S. Can't 'Take Lightly' Russian Nuclear Threat in Ukraine," *Axios*, April 15, 2022, www.axios.com/2022/04/15/cia-director-russia-nuclear-weapons-ukraine.

- Kofman, Michael, and Anya Loukianova Fink, "Escalation Management and Nuclear Employment in Russian Military Strategy," *War on the Rocks*, September 19, 2022, <https://warontherocks.com/2022/09/escalation-management-and-nuclear-employment-in-russian-military-strategy-2/>.
- Kristensen, Hans M., Matt Korda, and Eliana Johns, "Russian Nuclear Weapons, 2023," *Bulletin of the Atomic Scientists* 79, no. 3 (2023): 174-199, <https://doi.org/10.1080/00963402.2023.2202542>.
- Malenko, Anastasiia, Tom Balmforth, and Max Hunder, "Russia Fired New Ballistic Missile at Ukraine, Putin Says," *Reuters*, November 22, 2024, www.reuters.com/world/europe/russia-launches-intercontinental-ballistic-missile-attack-ukraine-kyiv-says-2024-11-21/.
- Miller, Matthew, "Department Press Briefing – November 19, 2024," U.S. Department of State, <https://2021-2025.state.gov/briefings/departments-press-briefing-november-19-2024/>.
- Mills, Claire, "Russia's Use of Nuclear Threats during the Ukraine Conflict," Research Briefing CBP-9825, House of Commons Library, December 20, 2024, <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9825/>.
- Putin, Vladimir, "Address by the President of the Russian Federation," *Official Website of the President of Russia*, February 21, 2022, <https://en.kremlin.ru/events/president/news/67828>.
- Schelling, Thomas C., *Arms and Influence* (New Haven, CT: Yale University Press, 1966).
- Schiffrin, Nick, and Zeba Warsi, "Putin Vows to Defend Illegally Seized Regions in Ukraine by 'All Available Means,'" *PBS News*, September 30, 2022, www.pbs.org/newshour/show/putin-vows-to-defend-illegally-seized-regions-in-ukraine-by-all-available-means.
- Smetana, Michal, and Michal Onderco, "'Hope the Russians Love Their Children Too': Russian Public Support for the Use of Nuclear Weapons after the Invasion of Ukraine," *Journal of Global Security Studies* 10, no. 3 (September 2025): ogaf012, <https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf012>.
- Starchak, Maxim, "Is Russia's Nuclear Doctrine Worth the Paper It's Written On?" Carnegie Russia Eurasia Center, November 25, 2024, <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2024/11/russia-new-nuclear-threat>.
- Tannenwald, Nina, James M. Acton, and Jane Vaynman, *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Emerging Risks and Declining Norms in the Age of Technological Innovation and Changing Nuclear Doctrines*, sec. 3, "The Great Unraveling: The Future of the Nuclear Normative Order" (Cambridge, MA: American Academy of Arts & Sciences, 2018), www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/New-Nuclear-Age_Emerging-Risks.pdf.

- Trenin, Dmitry V., Sergey I. Avakyan, and Sergey A. Karaganov, *From Deterrence to Intimidation: Nuclear Weapons, Geopolitics, Coalition Strategy*, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Institute of Military Economics and Strategy (Molodaya Gvardiya, Moscow, 2024). – in Russian
- Ven Bruusgaard, Kristin, "Russian Strategic Deterrence," *Survival* 58, no. 4 (2016): 7-26, <https://doi.org/10.1080/00396338.2016.1207945>.
- Williams, Heather, "Why Russia Is Changing Its Nuclear Doctrine Now," *Commentary*, Center for Strategic and International Studies, September 27, 2024, <https://www.csis.org/analysis/why-russia-changing-its-nuclear-doctrine-now>.
- Williams, Heather, et al., "Russian Nuclear Calibration in the War in Ukraine," Brief, Center for Strategic and International Studies (CSIS), February 23, 2024, <https://www.csis.org/analysis/russian-nuclear-calibration-war-ukraine>.
- Zagare, Frank C., "Deterrence Theory, Then and Now: There Is No Going Back," *St Antony's International Review* 9, no. 1 (2013): 157-167.
- Zysk, Katarzyna, "Escalation and Nuclear Weapons in Russia's Military Strategy," *RUSI Journal* 163, no. 2 (2018): 6-9, <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/rusi-journal/escalation-and-nuclear-weapons-russias-military-strategy>.